[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Пяткин С. Н. Эпистолярный отзыв Н. А. Клюева о поэме С. А. Есенина «Пугачёв» : «тёмные места» многомерной оценки / С. Н. Пяткин, И. В. Кудряшов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 328—346. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-328-346.

Pyatkin, S. N., Kudryashov, I. V. (2023). Nikolai Klyuev's Epistolary Review of Sergei Yesenin's Poem 'Pugachev': "Dark Places" of Multidimensional Evaluation. *Nauchnyi dialog, 12* (5): 328-346. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-328-346. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-328-346

Эпистолярный отзыв Н. А. Клюева о поэме С. А. Есенина «Пугачёв»: «тёмные места» многомерной оценки

Пяткин Сергей Николаевич *
orcid.org/0000-0002-8659-7543
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры
русского языка и литературы,
**** корреспондирующий автор***
nikolas_pyat@mail.ru

Кудряшов Игорь Васильевич
orcid.org/0000-0001-7022-3830
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры
русского языка и литературы
kiv.arz@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Арзамасский филиал)
(Арзамас, Россия)

Nikolai Klyuev's Epistolary Review of Sergei Yesenin's Poem 'Pugachev': "Dark Places" of Multidimensional Evaluation

Sergey N. Pyatkin *
orcid.org/0000-0002-8659-7543
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department
of Russian and Literature,
**** Corresponding author***
pyatkinsn@arz.unn.ru

Igor V. Kudryashov
orcid.org/0000-0001-7022-3830
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department
of Russian and Literature,
kiv.arz@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
(Arzamas, Russia)

© Пяткин С. Н., Кудряшов И. В., 2023

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено историко-литературное исследование эпистолярного отзыва новокрестьянского поэта Николая Алексеевича Клюева (1884—1937) о драматической поэме С. А. Есенина «Пугачев» (1922). Отзыв содержится в письме от 28 января 1922 года и априорно характеризуется в литературоведении как «восторженное приветствие». Отмечается, что в оценке Клюевым есенинской поэмы присутствуют «тёмные места», а именно: автор письма умышленно замалчивает имажинистскую поэтику есенинского «Пугачева» и, казалось бы, немотивированно сопоставляет драматическую поэму Есенина с пушкинской трагедией «Борис Годунов». Авторы статьи доказывают, что поэма «Пугачев», свидетельствующая о стремительном росте Есенина как поэта, стала, по мнению Клюева, результатом сохранившейся связи с традициями народной поэзии, а не плодом имажинистской школы. Суждение Клюева о том, что есенинская поэма «Пугачев» «нужней и желаннее “Бориса Годунова”», лишь на поверхностный взгляд выглядит алогичным и парадоксальным. Подчеркивается, что эпистолярный отзыв Клюева о «Пугачёве» не содержит оценки литературных достоинств драматической поэмы в сравнении с «Борисом Годуновым», а выражает исключительно личное отношение к младшему поэту. Переданная вместе с письмом в Вытегру книга «Пугачёв» стала для Клюева знаком доверительности дарителя, вещественным выражением любви и дружбы адресанта, свидетельством духовной и творческой преданности ученика своему учителю. Для восстановления прежних отношений с Есениным олонецкому поэту была «нужней и желаннее» поэма «Пугачёв», так как её содержание созвучно идее жертвенного служения своему народу, которая выступает сквозным мотивом всего творчества Клюева.

Ключевые слова:

Николай Клюев; эпистолярий; Сергей Есенин; Борис Годунов; новокрестьянская поэзия; Пугачёв; Пушкин; имажинизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a historical and literary analysis of the epistolary review by the peasant poet Nikolai Klyuev (1884—1937) of the dramatic poem ‘*Pugachev’* (1922) by S. A. Yesenin. The review, contained in a letter dated January 28, 1922, has been characterized in literary studies as an “enthusiastic greeting.” However, the authors argue that Klyuev’s evaluation of Yesenin’s poem contains “dark places,” specifically his deliberate omission of the imagist poetics of ‘*Pugachev’* and his seemingly unmotivated comparison of Yesenin’s dramatic poem with Pushkin’s tragedy ‘*Boris Godunov*.’ The authors demonstrate that Klyuev believed that ‘*Pugachev*,’ which reflects Yesenin’s rapid growth as a poet, was the result of his connection to the traditions of folk poetry rather than the product of the imagist school. Klyuev’s judgment that Yesenin’s poem was “more necessary and desirable than ‘*Boris Godunov*’” may appear illogical and paradoxical at first glance, but the authors emphasize that his epistolary review expresses only his personal relationship with the younger poet and does not evaluate the literary merits of the two works. The book ‘*Pugachev*,’ which was sent to Vytegra along with the letter, became a sign of trust from the donor, a gift, a tangible expression of love and friendship from the addressee, and evidence of the spiritual and creative devotion of the student to his teacher. For Klyuev, who sought to restore his relationship with Yesenin, ‘*Pugachev’* was “more necessary and desirable” because its content resonated with the idea of sacrificial service to his people, which is a recurring theme in Klyuev’s work.

Key words:

Nikolai Klyuev; epistolary; Sergei Yesenin; Boris Godunov; peasant poetry; Pugachev; Pushkin; imagism.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Клюев.07+821.161.1Есенин.07

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Эпистолярный отзыв Н. А. Клюева о поэме С. А. Есенина «Пугачёв»: «тёмные места» многомерной оценки

© Пяткин С. Н., Кудряшов И. В., 2023

1. Введение = Introduction

Эпистолярный отзыв Н. А. Клюева о драматической поэме С. А. Есенина «Пугачев» («*“Пугачёв” — свист калмыцкой стрелы, без истории, без языка и быта, но нужней и желаннее “Бориса Годунова”, хотя там и золото, и стены Кремля, и сафьянно-упругий сытовый воздух 16—17 века. И последняя Византия*» [СД, 2003, с. 254]) в существующей исследовательской практике преимущественно аттестуется посредством бессодержательного определения «восторженное приветствие». Аморфность такой дефиниции отчетливо проявляется на фоне работ, подробно освещающих прижизненную критику о есенинском произведении, которая сама по себе отличается разнокачественными и объемными оценками «Пугачева» (см. подробнее: [Шубникова-Гусева, 2001, с. 144—158].

Отметим, что текст клюевского письма от 28 января 1922 года, в котором содержится приведенная выше критическая реплика, как ценный источник информации, уточняющий биографические реалии творческих взаимоотношений поэтов, неоднократно привлекал внимание ученых (см.: [Азадовский, 1988; Казаков, 2014; Кудряшов и др., 2022]). И в этом отношении, безусловно, исключительная роль принадлежит публикации Л. А. Киселёвой, ставшей первым и на сегодняшний день и единственным опытом специального научного изучения клюевского отзыва о поэме Есенина.

Украинская исследовательница, обращаясь к различным контекстам понимания образного суждения Клюева — историческому, культурному, поэтологическому, — даёт убедительную аналитическую картину о нём как многомерном и многомысленном восприятии старшим поэтом нового и новаторского сочинения Есенина. Фактически каждое слово лаконичной оценки Клюева получает у Л. А. Киселёвой детализированное истолкование, эксплицирующее ключевые доминанты художественной философии поэта, в которой особое место занимает оригинальное осмысление духовного содержания феномена византийства в русской культуре [Киселёва, 2013].

CC BY

Внимание исключительно к этой стороне творческого сознания Клюева, концептуализирующее указанную научную работу, оставляет так называемые «тёмные места», связанные, во-первых, с умышленным, как мы полагаем, замалчиванием автором письма имажинистской поэтики есенинского «Пугачева», а во-вторых, с довольно-таки неожиданным, ничем не подкрепленным в эпистолярном тексте сопоставлением драматической поэмы Есенина с пушкинской трагедией «Борис Годунов». Обращение к названным «темным местам» и попытка их прочтения, предпринятые в настоящем исследовании, обусловливают его научную новизну.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Неослабевающее внимание ученых к творческому диалогу Клюева и Есенина, в котором обнаруживаются всё новые и новые историко-литературные связи и скрытые коды, мотивировано его значимостью как для углубления представлений об эволюции художественного мировидения обоих поэтов, так и для всестороннего осмысления идейно-эстетических принципов новокрестьянской поэзии как неординарного явления в литературе Серебряного века.

Изучение авторской интенциональности, характеризующей (да и во многом определяющей) диалогическое взаимодействие поэтических миров Клюева и Есенина, на сегодняшний день имеет вполне сложившуюся научную традицию. В ее русле полно и обстоятельно «расшифрованы» символика и аллюзии, восходящие к древнерусской книжности и к глубинным пластам народного образного мышления (см.: [Азадовский, 1990; Базанов, 1990; Киселёва, 1997; Неженец, 2007; Кудряшов и др., 2012; Алексеева, 2019] и др.), что служат эстетическим и ценностным основанием художественной концептосферы в произведениях поэтов. Этот исследовательский подход вполне дополняют работы, посвященные скифской аксиологии [Солнцева и др., 2021] и феноменологии голгофского христианства [Серегина, 2015]. В ряде заметных публикаций, актуализирующих сложный и противоречивый характер личных взаимоотношений Клюева и Есенина, анализ опорных точек парадигмы «учитель—ученик» как значимого конструкта репрезентируемого творческого диалога убедительно объективирует имманентную природу самобытности литературного дарования каждого из поэтов (см.: [Субботин, 1994]; [Киселева, 2012]; [Кудряшов и др., 2020]). В границах данного контекста предметно изучается влияние клюевской лирики на концептуальное содержание есенинского трактата «Ключи Марии» ([Киселева, 1994]; [Александрова, 2009]) и дается системное представление о полемическом диалоге поэтов в области теории искусства [Серегина, 2022].

CC BY

Накопленный научный опыт опосредованно способствует осмыслению имплицитных посылов, образующих выделенные нами «темные места» в эпистолярной оценке Клюева есенинского «Пугачева», и дает возможность значительно расширить существующую интерпретацию интересующего нас письма. На это, собственно, и нацелено предлагаемое исследование, опирающееся на методологические подходы (прежде всего биографический, системно-функциональный, историко-функциональный, герменевтический), которые сложились в современной практике сравнительно-сопоставительного изучения творческого наследия писателей-современников.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Многозначительное умолчание об имажинизме Есенина

Хорошо известно, что «Пугачёв» Есенина в подавляющей части первых рецензий и отзывов современников воспринимался как событие имажинистской поэзии. Более того, по справедливому утверждению Н. И. Шубниковой-Гусевой, поэма Есенина «стала поводом к дискуссии об имажинизме» в литературной критике той поры [Шубникова-Гусева, 2001, с. 491]. Однако стоит напомнить, что дискуссия Клюева с Есениным об имажинизме началась ещё до выхода в свет «Пугачёва».

Летом 1921 года в письме к С. М. Городецкому Клюев, выговаривая горькие жалобы на Есенина («*Наслышан я, что он на всех перекрестках лает на меня, но Бог с ним, — вот уже три года, как я не видал его и строчки не получил от него*»), доверительно интересуется: «*Как смотришь — на его дела, на его имажинизм?*» [СД, 2003, с. 251].

Клюев не случайно задаёт этот вопрос именно Городецкому, желая, как мы считаем, получить в ответе влиятельную поддержку своему, уже вполне твердо сложившемуся взгляду на имажинизм Есенина. Авторитетный литературный деятель, некогда объединивший «новых» крестьянских поэтов, и, по сути, легализовавший неонародническое направление в отечественной культуре начала XX века в качестве самобытного и самоценного творческого явления, как никто другой соответствовал у Клюева этой роли. Сам же олонецкий поэт в это время работает над поэмой «Четвертый Рим», своеобразным прологом к которой послужило обращённое к Сергею Есенину стихотворение «В степи чумацкая зола…», написанное весной того же года. Оба произведения являются убедительной образно-поэтической иллюстрацией клюевской позиции, категорически не приемлющей нового этапа в творческом развитии Есенина. Имажинизм воспринимается Клюевым как сознательный разрыв «песенного собрата» с духовными основами «избяной», «святой Руси», что сродни евангельскому предательству:

CC BY

«*От оклеветанных голгоф // Тропа к иудиным осинам*» [СЕ, 1999, с. 499]. Образ жизни, приветствующий урбанистический мир и идеологию «западничества», которые онтологически чужды «земляному» первородству песенного дара Есенина, превращает, по Клюеву, поэзию в «золу», остуженную «гордыней» (см. об этом подробнее: [Михайлов, 1995]). Есенинский имажинизм в художественном сознании Клюева имеет и свою систему «опознавательных» знаков, где в причинно-следственных отношениях существуют обладающие негативными коннотациями явления культурно-бытового плана («обломки рифм», «хромые стопы», «цилиндр», «лаковые башмаки») и нелицеприятный образ злотворного Мариенгофа-садовника, культивирующего новую есенинскую поэтику («Не с Коловратовых полей / В твоем венке гелиотропы // Их поливал Мариенгоф // Кофейной гущей с никотином…» [СЕ, 1999, с. 499]).

Есенинское письмо к Клюеву, написанное в конце декабря 1921 года, которое исследователи аттестуют как «призыв к миру» после двухлетнего разрыва отношений между поэтами (подробнее об этом см.: [Субботин, 1994; Киселёва, 1997; Азадовский, 2002] и др.), было доставлено в Вытегру Н. И. Архиповым вместе с «гостинцами» — есенинскими книгами — в самом начале января 1922 года (подробнее об этом см.: [Казаков, 2014; Кудряшов и др., 2022]), а ответное послание Клюева датируется 28 января того же года. Старший поэт, мучительно переживающий разрыв с Есениным и стремящийся восстановить дружеские и творческие связи с ним, что удостоверяют помимо поэтических произведений письма к Городецкому и Миролюбову 1919—1920 годов, как видим, не особо спешит ответить своему «сопесеннику». Причины такой неспешности Клюева легко объяснимы: эмоционально отреагировав на есенинское письмо и «гостинцы» («*облил … слезами*», «*припадал к ним ликом своим*»), старший поэт «*старался*» посредством них «*угадать <…> теперешнего*» Есенина, о чём Клюев пишет уже в самом начале своего достаточно объёмного послания [СД, 2003, с. 252].

Использованный Клюевым в письме глагол «угадать» в контексте письма и с учетом отношений между поэтами обозначает воссоздание целостного представления о новом Есенине, для чего было необходимо свести воедино сокровенные посылы его краткого письма, открывающегося библейским приветствием, впечатления Архипова от встречи с ним и, главное, собственные рефлексивные заключения относительно последних, ранее неизвестных Клюеву, есенинских произведений, среди которых, безусловно, ключевое место принадлежало поэме «Пугачёв». Важно понимать, что в процессе такого ментального воссоздания Клюев изначально пристрастен, поскольку отправной точкой для него служил образ Есенина-имажиниста,

CC BY

который достаточно полно, в твердых ценностных значениях, о чем сказано выше, уже сформировался в сознании старшего поэта. И есенинский призыв к миру, содержащийся в его кратком послании Клюеву в Вытегру, вряд ли мог в одночасье кардинально изменить это оценочное суждение.

Добавим к этому, что слово «Имажинисты» на обложке присланных Есениным «гостинцев» (и «Трерядницы», и «Пугачёва») дополнительно стимулировало чувство предвзятости Клюева, приступавшего к чтению новых произведений Есенина, поскольку оно воспринималось им не столько обыденным и обязательным указанием на издательство, сколько символическим маркером «творческой территории», к которой принадлежали и сам автор, и его сочинения.

Однако обозначенная нами предубежденность никак не обнаруживает себя в содержании клюевского послания. «Теперешний» Есенин и есенинский имажинизм в том виде, как его представлял себе Клюев, не обладают в тексте письма олонецкого поэта потенциями к единой репрезентации образа автора «Пугачёва». В данном отношении симптоматично, что клюевское представление о есенинском имажинизме имплицируется в тексте письма, причём в самом начале, как исходный тезис в определении «теперешнего» Есенина, значениями, указывающими на его сугубо внешний и скоротечный характер в творческих исканиях младшего поэта, а не его внутреннюю природную сущность: «*Кожа гремучей змеи на тебе, но она, я верую, до весны, до Апреля урочного*» [СД, 2003, с. 252]. Показательно и то, что имажинистский образ Есенина, запечатлённый Клюевым в поэме «Четвёртый Рим» и стихотворении «В степи чумацкая зола…», в содержании письма как бы распадается на отдельные элементы, теряя свою целостность, а следовательно, и свои ценностные смысловые потенции. Одним из значимых элементов этого образа, как уже было отмечено, является фигура Мариенгофа как нового творческого наставника Есенина, тлетворное влияние которого и обращает есенинский путь к вершинам российского Парнаса в постыдную тропу к «иудиным осинам», низводит поэтический дар в скорбное «есенинское лихо».

Имя Мариенгофа трижды упоминается в клюевском письме. При первом обращении Клюевым высказывается лишь горестное сожаление о том, что не он — а Мариенгоф (к тому же вместе с Дункан) в настоящий момент физически близок к Есенину и хорошо знает его «плотяного». Акцент на «телесности» связан здесь отнюдь не с чувством творческой ревности Клюева к Мариенгофу, что, собственно, подчеркивает в данном случае и упоминание имени Айседоры Дункан. В безотрадном слове старшего поэта выражается чувство утраченной полноты гармоничного присутствия в его жизни Есенина, что некогда было исполнено искренней и взаимной

CC BY

верой друг в друга. Второе обращение, выдержанное в более эмоциональном ключе, связано, по сути, с идеей борьбы за Есенина-поэта между Мариенгофом и Клюевым. Смысловой доминантой этого фрагмента эпистолярного текста служит оппозиция «потерять — отдать», которая ничуть не уподобляет личность Есенина вещи, а репрезентирует его образ в качестве доверчивого ребенка. Попутно заметим, что этот образ частотен в поэзии Клюева и своё многогранное художественное обобщение и завершение он получит в поэме «Плач о Сергее Есенине» (1926). Кроме того, семантика указанной нами оппозиции, во-первых, эксплицирует вполне ясную логику образного высказывания Клюева: лишиться Есенина он может только в случае добровольного отказа от него, что абсолютно невозможно; одна лишь мысль об этом вселяет в душу Клюева страх, «боль» и «скорбь». Во-вторых, интенциональные смыслы оппозиции «потерять — отдать» фиксируют сохраняющуюся в сознании олонецкого поэта его собственную роль наставника в судьбе «теперешнего» Есенина. В этой связи становится закономерным третье упоминание в клюевском письме о Мариенгофе: «*Серёженька, душа моя у твоих ног. Не пинай ее! За твое доброе слово я готов пощадить даже Мариенгофа, он дождется несчастия*» [СД, 2003, с. 253]. Словосочетание «доброе слово» в контексте приведенного отрывка из письма не стоит воспринимать в сугубо буквальном значении, поскольку оно у Клюева подразумевает нечто большее — аутентичный слову поступок со стороны Есенина, ведущий к событийному возрождению прерванных творческими разногласиями близких, дружеских отношений; наполнению действенным «добрым» содержанием есенинского признания из декабрьского письма Клюеву: «*А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь*» [ПСС6, с. 129]. Поэтому и столь высока у Клюева цена такого слова. Вместе с тем сам факт неожиданной готовности «пощадить» врага во многом обусловлен тем, что автор письма больше не видит в Мариенгофе влиятельной фигуры, способной кардинально воздействовать на «теперешнего» Есенина-поэта. Клюевское же предвестие — «*он дождется несчастия*» — выражает идею о неотвратимом и скором воздаянии Мариенгофу за содеянное зло, что осталось в прошлом. Образно говоря, имя Мариенгофа стало перевернутой страницей в жизни Есенина, а на следующем листе снова появится его — Клюева — имя. Метафора, использованная нами, нисколько не надумана, так как мотив реальной будущей книги, объединённой именами Клюева и Есенина, образует фрагмент клюевского письма, что органично следует в завершении мариенгофской темы и, думается, служит имплицитной отсылкой к непреложной библейской истине: «Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду» (1 Кор. 3:8).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(5), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Урбанистические коннотации, во многом определяющие у Клюева имажинистский образ Есенина, отчетливо дают о себе знать в описании внешнего вида и «богемных» манер младшего поэта, которые в тексте послания воспроизводятся со слов Н. И. Архипова: «*Коленька мне говорит, что ты теперь ночной нетопырь с глазами, выполосканными во всех щелоках, что на тебе бобровая шуба, что ты ешь за обедом мясо, пьешь настоящий чай и публично водку, что шатия вокруг тебя — моллюски, прилипшие к килю корабля…*» [СД, 2003, с. 252—253]. Выражая неприязнь к такой картине публичного поведения Есенина, Клюев на контрасте живописными мазками рисует мифологический портрет «юного Серёженьки», призванный пробудить в нём нынешнем чувство утраченной гармонии внешнего и внутреннего в его поэтическом мире. Однако эта элегическая нота сначала сменяется у Клюева патетическим примирительным обращением («*Но мир, мир тебе, брат мой распрекрасный! Мир духу, крови, костям твоим!*»), а затем признанием несомненного права Есенина на славу победителя над «пиджачными бесами», сохранившего при этом, что акцентировано в письме отсылкой к народной легенде о Касьяне и Николе, чистоту своей души.

Безусловно, такой вывод, как и осмысление во многом надуманной роли Мариенгофа в творческой эволюции Есенина, исходит у Клюева, в первую очередь, из критического и вдумчивого погружения в духовный мир новой поэзии его вчерашнего ученика. В нем наставник видит и молитвенно провозглашает обретение «*жемчужины родимого слова*», в котором адресант обнаруживает преемственность подлинно народной — ранней — поэзии Есенина, где проявилось его наставническое участие. Именно об этом Клюев с благодарностью свидетельствует в письме: «*И так сладостно мне бедному, не приласканному никем, за свое русское в песнях твоих*» [СД, 2003, с. 253].

На этом основании можно сделать вывод о том, что прямое упоминание о есенинском имажинизме, отсылающее к инвективам «Четвёртого Рима», в данном ситуативном контексте принуждало бы Клюева к так называемой книжной полемике, которая ему всегда претила. Этими же причинами, на наш взгляд, объясняется и оценка Клюевым «Пугачёва», которая даётся им посредством метафорического и, вместе с тем, метафизического языка, позволившая автору письма, не нарушая целостного впечатления от есенинской трагедии, ёмко передать её уникальный и в то же время традиционный характер для национальной культуры.

Обратим внимание и на подчеркнуто интимную фразу, содержащуюся в клюевском письме: «*Брат мой, пишу тебе самые чистые слова, на какие способно сердце мое. Скажу тебе на ушко: “Как поэт я уже давно, давно*

CC BY

кончен", ты в душе это твердо сам знаешь. Но вслух об этом пока говорить жестоко и бесполезно» [СД, 2003, с. 255].

С одной стороны, она, следуя за оценкой «Пугачёва», предельно усиливает ранее высказанное Клюевым признание первенства и «Величества» его словесного собрата. С другой стороны — это исповедальное высказывание неожиданным образом корреспондируется с мыслью Есенина о Клюеве из письма Иванову-Разумнику от 4 декабря 1920 года: «Уж очень он, Разумник Васильевич, слаб в форме и как-то расти не хочет» [ПСС6, с. 117]. Имажинизм стал для Есенина одним из художественных стимулов его «формального развития», давшим возможность, по его же словам, «раздвигать зрение над словом» [ПСС6, с. 125]. Эта особенность творческих исканий Есенина отчасти отмечалась С. М. Городецким, суждение которого может считаться несколько запоздалым ответом на вопрос Клюева о есенинском имажинизме: «…*если* [имажинизм] *и принят* [Есениным], *то, может быть, только как литературное развитие всегда стремившегося к изобразительности деревенского языка*» [С. А. Есенин в воспоминаниях…, 1986, с. 472].

В этой связи жуткое откровение Клюева («*Как поэт я уже давно, давно кончен*») воспринимается как признание отсутствующих у него в настоящем каких бы то ни было источников, способствующих рождению совершенно нового в эстетическом плане творящего слова, что заключает в себе таинство «причащения Космическим Христом через видимый хлеб» [СД, с. 51]. В то же время, признавая необычайный, яркий, стремительный рост Есенина как поэта, отразившийся в «Пугачёве», Клюев, между тем, стоически отказывался видеть в нём плоды имажинистской школы, угадывая в «теперешнем» Есенине творчески зрелого и духовно возмужавшего «юного Серёженьку», прельщённого, но не обольстившегося ложными красотами мира, чуждыми истинно народной поэзии.

3.2. Обманчивая алогичность оценки Клюевым «Пугачёва»

Несложно заметить, что образные определения есенинского и пушкинского произведений, которые даются Клюевым, не равнозначны между собой, подспудно рождая ощущение некоей неполноценности «Пугачева» в сравнении с «Борисом Годуновым». А вывод, который делает Клюев из этого сравнения, — «"Пугачев" <…> нужней и желаннее "Бориса Годунова"» — выглядит, по меньшей мере, алогичным и в определенной степени парадоксальным.

Напомним, что Клюев далеко не единственный из современников Есенина, кто подметил связь драматической поэмы «Пугачев» с пушкинской трагедией. Об этом высказывались С. Городецкий, В. Мейерхольд, А. Вет-

CC BY

лугин. Последний, считая, что влияние Пушкина значительнее имажинистской поэтики есенинской драмы, безапелляционно и, вместе с тем, лапидарно заявлял, что ее автор «через одно и чрез много столетий протягивает руку творцу “Бориса Годунова”» (см. подробнее: [Шубникова-Гусева, 2001, с. 146]). Однако же клюевское суждение, быть может, и предполагая такое влияние, все-таки исходит из не самой очевидной связи произведений, внеположной традиционному литературоведческому толкованию.

На наш взгляд, говоря об этой оценке, необходимо учитывать то, что тема «Бориса Годунова» в ее непосредственном отношении к Есенину уже получала у Клюева свое художественное решение в стихотворении «Ёлушка-сестрица» (1917). Не исключено, что в сопоставлении «Пугачева» и «Бориса Годунова» имплицитно присутствуют и смыслы, отсылающие к этому стихотворению Клюева и открывающие новые горизонты как для интерпретации его эпистолярной оценки «Пугачева», так и всего письма, за которым в клюеведении закрепилось однозначное пафосное определение — «своего рода “акафист”, славословие Есенину» [Азадовский, 2002, с. 182].

Текст «Ёлушки-сестрицы» построен Клюевым на контрасте лирического героя с образом Серёжи, в котором без труда угадывается реальный Есенин, являющийся к тому же адресатом стихотворения, что подчёркивает непреодолимый разрыв отношений некогда родственных по духу людей — наставника и его ученика. Заданная в эпиграфе тема убиения невинного разрабатывается Клюевым посредством сопоставления по принципу сходства Серёжи первоначально с мифологическим злодеем Китоврасом, затем с изгнанным из рая библейским падшим ангелом («опальным серафимом») и в заключительной части с исторической личностью — Борисом Годуновым.

Своего апогея тема невинной жертвы (заклания) достигает именно в финале. Лирический герой, называя себя «*жертвой Годунова*» и «*убиенным Митрием*», вызывает в сознании читателя стойкую аналогию Серёжи с убийцей царевича Годуновым, а точнее, с тем образом русского царя, который сложился в историко-культурном национальном сознании и запечатлелся в известных агиографических, исторических и фольклорно-литературных источниках. Практически все они объединены недвусмысленным указанием на виновника совершенного в Угличе злодеяния — Бориса Годунова, который стремился любой ценой заполучить царский венец. Ключевым («сильным») текстом для русской литературной традиции в данном случае, бесспорно, является пушкинская трагедия «Борис Годунов», породившая в отечественной словесности «годуновский бум» (см. подробнее: [Ляпина, 2019]), к тому же она, как убедительно доказывает новейший исследователь творческой феноменологии драматического произведения Пушкина, «больше чем литература, это длящаяся история» [Глембоцкая,

CC BY

2017, с. 172]. В данном контексте аналогии «Есенин — Годунов» и «лирический герой — убиенный Митрий» получают в стихотворении Клюева дополнительное значение: истинная причина разрыва отношений «сопесенников» обусловлена их борьбой за трон русской поэзии, за право называться «первым народным поэтом». Именно эта позиция Клюева, объясняющая причины резкого расхождения поэтов, вызвала у Есенина гневную реакцию в письме к Иванову-Разумнику, датированном концом декабря 1917 года. Будущий автор «Пугачева», уже знакомый с текстом «Ёлушки-сестрицы» (а на это указывает фрагмент чернового варианта письма, в котором Есенин признает, что в «стихотворении [Клюева] Годунов, от которого ему так тяжко, есть никто иной, как я, и это понятно может быть мне одному» [ПСС6, 1999, с. 437]), с нескрываемым раздражением писал: «Штемпель Ваш “первый глубинный народный поэт”, который Вы приложили к Клюеву из достижений его “Песнь Солнценосца”, обязывает меня не появляться в третьих “Скифах”. Ибо то, что вы сочли с Андреем Белым за верх совершенства, я счел только за мышиный писк. <…> Клюев <…> за последнее время сделался моим врагом» [ПСС6, 1999, с. 99].

В поэтическом обращении к Есенину Клюев мастерски воспроизводит чувства и мысли умирающего царевича Димитрия:

Тяжко, светик, тяжко!
Вся в крови рубашка...
Где ты, Углич мой?..
Жертва Годунова,
Я в глуши еловой
Восприму покой [СЕ, 1999, с. 301].

По мнению младшего современника Пушкина, религиозного философа и литературного критика И. В. Киреевского, главным героем трагедии «Борис Годунов» является «тень умерщвленного Димитрия», которая «царствует в трагедии от начала до конца, управляет ходом всех событий <…> и различным краскам дает один общий тон, один кровавый оттенок» [Киреевский, 1996, с. 534]. В продолжение этой мысли, спроецированной на ход наших рассуждений, можно вполне допустить, что процитированный фрагмент клюевского стихотворения, исполненный трагической экспрессии, служит скрытой реминисценцией из пушкинского «Бориса Годунова». Скудные упоминания о царевиче в трагедии, принадлежащие разным персонажам, будто бы соединяются у Клюева в единый текст, материализуя образ истекающего кровью Димитрия, произносящего свое последнее слово, обращенное к убийцам. И в целом, скрытые реминисценции из «Бориса Годунова» образуют в клюевском стихотворении «пушкинский слой» особой семантической насыщенности, где творческая личность автора тра-

CC BY

гедии словно бы призвана быть третейским судьей, непререкаемым авторитетом в споре-вражде вчерашних друзей-поэтов (см. об этом подробнее: [Кудряшов, 2015]).

Образ окровавленного отрока в клюевском тексте отсылает память читателя к монологу царя Бориса Годунова «Достиг я высшей власти…», в котором образ-видение «*мальчики кровавые в глазах*» [БГ, 1948, с. 27], имеющий евангельскую природу, явлен символом нечистой совести героя, его душевных терзаний.

Апеллируя к совести Есенина, олонецкий поэт в заключительных строках произведения проводит мысль о неизбежности торжества «правды вечной»:

Буду в хвойной митре,
Убиенный Митрий,
Почивать, забыт...
Грянет час вселенский,
И собор Успенский
Сказку приютит [СЕ, 1999, с. 301].

Финал клюевского стихотворения созвучен общей идее пушкинского «Бориса Годунова» о неотвратимости высшего суда («*И не уйдешь ты от суда мирского, // Как не уйдешь от божьего суда*» [БГ, 1948, с. 23]) и воцарении справедливости в веках. В филигранно выверенных строках клюевского обращения к Есенину нет места чувству вражды и жажде публичной мести «младшему брату» за измену прежним идеалам.

Слова уже упомянутого нами есенинского письма к Иванову-Разумнику о том, что Клюев за последнее время сделался «врагом», были написаны Есениным, по всей видимости, в эмоциональном порыве, под непосредственным экспансивным впечатлением от прочтения клюевского стихотворения, о чём свидетельствует не только желчный тон письма, но и определённая недооценка молодым поэтом глубины скрытых смысловых пластов текста Клюева, настроение и основная идея которого созвучны мудрым словам пушкинского Патриарха в «Борисе Годунове»:

Благословен всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь — да пройдет заблужденье:
Оно пройдет и солнце правды вечной
Всех озарит [БГ, 1948, с. 69].

И Клюев, переехав на жительство в Вытегру, по завету Пушкина, «тихо ждал», ждал тягостных четыре года, в течение которых было пролито им, по его собственному признанию, «много слёз» [СД, 2003, с. 252].

CC BY

Но вернёмся к интересующему нас письму Клюева, чтобы ответить на главный вопрос: почему есенинский «Пугачёв» «нужней и желаннее» пушкинского «Бориса Годунова»?

Клюев, ставя «Пугачёва» выше «Бориса Годунова», не кривил душою ради возобновления отношений с «младшим братом». Письмо Клюева от начала и до конца наполнено «самыми чистыми словами, на какие было способно сердце» поэта [СД, 2003, с. 255], а следовательно, в нём нет и не может быть даже полуправды; Клюев предельно чистосердечен перед Есениным, а финал его письма и вовсе прочитывается как исповедь перед младшим «сопесенником». Отзыв о «Пугачёве» отнюдь не содержит оценки литературных достоинств драматической поэмы в сравнении с «Борисом Годуновым», в котором Пушкиным были художественно запечатлены любимейшие олонецким поэтом образы: «*золото и стены Кремля, сафьянно-упругий сытовый воздух 16—17 века. И последняя Византия*» [СД, 2003, с. 254—255]. В своей оценке «Пугачёва» Клюев выражает исключительно личное отношение к «младшему брату», отвечая взаимными чувствами на посланный ему «мир и братский поцелуй», в которых он испытывал *крайнюю нужду* и которых *страстно желал* получить от Есенина в течение долгих и мучительных четырёх лет разлуки. Стараясь угадать Есенина «теперешнего», Клюев стремится воскресить прежние доверительные отношения, которые были между поэтами в «те незабвенные сказочные годы» [СД, 2003, с. 252]. Для Клюева было важным понять искренность есенинских слов, содержащихся в посланной с Архиповым записке, и подлинную «цену» переданных с ним же подарков. Интимность и предельная откровенность письма к Есенину убеждает в том, что Клюев поверил в непритворность есенинского признания о бережно хранимом дружеском чувстве: «А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь» [ПСС6, с. 129]. Переданный вместе с письмом есенинский «гостинец» — книга «Пугачёв» — стал для Клюева своеобразным знаком доверительности дарителя, подарком как таковым, вещественным выражением любви и дружбы адресанта, а главное — свидетельством духовной и творческой преданности ученика своему учителю, что, несомненно, было важнее для Клюева. Для восстановления прежних отношений с Есениным Клюеву была «нужней и желаннее» поэма «Пугачёв», так как её содержание во многом созвучно идее жертвенного служения своему народу, которая, заметим, красной нитью пронизывает всё творчество олонецкого поэта. Емельян Пугачёв — талантливый, подлинно народный герой, возглавивший крестьянское движение и этим обрекший себя на «заклание за Россию». В этой связи обращает на себя внимание фрагмент письма Клюева, где он пророчески объявляет Есенину его великое предназначение, которое предрешит младшему поэту посмертную славу и всенародную любовь: «Семь

покрывал выткала Матерь-жизнь для тебя, чтобы ты был не показным, а заветным. Камень драгоценный душа твоя, выкуп за красоту и правду родимого народа, змеиный калым за Невесту-песню.

Страшная клятва на тебе, смертный зарок! Ты обречён на заклание за Россию, за Ерусалим, сошедший с небес» [СД, 2003, с. 252].

Вряд ли стоит считать случайным «соседство» в эпистолярном тексте Клюева *такого* предсказания о Есенине и *такого* отзыва о есенинском «Пугачеве», который, по сути, олицетворяет автора, стоящего «за правду родимого народа», с героем его поэмы.

Пугачёв и Годунов символизируют в клюевском письме, как и в творчестве поэта в целом, два диаметрально противоположных пути: достойный славы путь «народного гения» и презренный в народе путь кровавого злодея. На этом основании поэма Есенина «Пугачёв» действительно стала для Клюева «нужней и желаннее» «Бориса Годунова», так как она зримо свидетельствовала ему о том пути, высоком и скорбном, который избрал «возлюбленный» и единственный ученик.

В этом смысловом ключе отзыв Клюева о поэме Есенина «Пугачёв» перестаёт восприниматься алогичным, а наоборот — убедительно вписывается в общую интимную тональность и логику суждений адресанта послания, проливая свет на ещё одно «тёмное место» клюевского письма и дополняя важными деталями скрытый диалог двух крестьянских поэтов.

4. Заключение = Conclusions

Исследователь Л. А. Киселёва справедливо указывала, что полной реконструкции скрытого диалога Клюева и Есенина «должно предшествовать правильное прочтение явного диалога, то есть выяснение точного смысла тех слов, с которыми Клюев обращался к Есенину, Есенин — к Клюеву. Это — задача безотлагательная <…>» [Киселёва, 1997, с. 196]. Конкретизируя эту мысль ученого, заметим, что установление «точного смысла слов» невозможно без сосредоточенного учета и анализа множественных разноплановых отсылок, реминисценций и аллюзий, содержащихся в поэтических и эпистолярных текстах как Клюева, так и Есенина, благодаря чему открываются новые горизонты познания непростых личных и творческих взаимоотношений двух новокрестьянских поэтов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

CC BY

Источники и принятые сокращения

1. БГ — *Пушкин А. С.* Борис Годунов / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : В 16 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937—1959. — Т. 7. Драматические произведения. — 1948. — С. 1—98.

2. ПСС6 — *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : В 7 т. — Москва : Наука ; Голос, 1995—2002. — Т. 6. Письма. — 1999. — 816 с. — ISBN 5-02-011682-3.

3. *С. А. Есенин в воспоминаниях* современников : В 2-х т. / Вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. — Москва : Художественная литература, 1986. — Т. 1. — 511 с.

4. СД — *Клюев Н. А.* Словесное древо. Проза / Н. А. Клюев ; вступ. ст. А. И. Михайлова ; сост. В. П. Гарнин. — Санкт–Петербург : Росток, 2003. — 688 с. — ISBN 5-94668-012-9.

5. СЕ — *Клюев Н. А.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев ; пред. Н. Н. Скатова, вступ. ст. А. И. Михайлова ; сост. В. П. Гарнин. — Санкт–Петербург : РХГИ, 1999. — 1072 с. — ISBN 5-88812-079-0.

Литература

1. *Азадовский К. М.* Жизнь Николая Клюева : документальное повествование / К. М. Азадовский. — Санкт–Петербург : Звезда, 2002. — 365 с. — ISBN 5-94214-003-0.

2. *Азадовский К. М.* Николай Клюев : Путь поэта / К. М. Азадовский. — Ленинград : Советский писатель, 1990. — 333 с. — ISBN 5-265-01491-8.

3. *Александрова М. А.* «Ключи Марии» как основа духовной концепции С. А. Есенина / М. А. Александрова // Духовно-нравственные основы русской литературы : [сборник статей по материалам Второй международной научной конференции, 27—28 февраля 2009 года, г. Кострома]. — Кострома : Издательство Костромского государственного университета (КГУ), 2009. — С. 226—231.

4. *Алексеева А. А.* Мотив природного круговорота в поздних циклах новокрестьянских поэтов (С. А. Есенин, Н. А. Клюев, С. А. Клычков, А. В. Ширяевец) / А. А. Алексеева // Современное есениноведение. — 2019. — № 4 (51). — С. 42—46.

5. *Базанов В. Г.* С родного берега : о поэзии Н. Клюева / В. Г. Базанов. — Ленинград : Наука, 1990. — 241 с. — ISBN 5-02-027974-9.

6. *Глембоцкая Я. О.* Феномен власти и его художественное осмысление в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» / Я. О. Глембоцкая // Идеи и идеалы. — 2017. — № 4 (34). — С. 170—178. — DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-170-178.

7. *Казаков А. Л.* Клюев — Ленину : «словесный гостинец из русского рая» / А. Л. Казаков // Север. — 2014. — № 1/2. — С. 141—146.

8. *Киреевский И. В.* Обозрение русской литературы за 1831 год. «Борис Годунов» / И. В. Киреевский // Пушкин А. С. Борис Годунов. — Санкт-Петербург : Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996. — С. 531—536. — ISBN 5-7331-0053-2.

9. *Киселёва Л. А.* «Мы с тобой в львиноголубинности» : Есенин в поэтической агиографии Клюева / Л. А. Киселева // Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате : Сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции, посвящённой 116-летию со дня рождения С. А. Есенина. — Москва—Рязань—Константиново : Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, 2012. — С. 147—165.

10. *Киселёва Л. А.* Цикл «Избяные песни» Н. А. Клюева в творческой биографии Сергея Есенина / Л. А. Киселева // О, Русь, взмахни крылами… Есенинский сборник. — Москва : Наследие, 1994. — Выпуск I. — С. 95—103. — ISBN 5-201-13218-9.

11. *Киселёва Л. А.* «Пугачев» Сергея Есенина в восприятии Николая Клюева : исторический, культурный, поэтологический контексты понимания / Л. А. Киселёва // Современное есениноведение. — 2013. — № 27. — С. 10—15.

12. *Киселёва Л. А.* Есенин и Клюев : скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) / Л. А. Киселева // Николай Клюев : Исследования и материалы. — Москва : Наследие, 1997. — С. 183—198. — ISBN 5-201-13279-0.

13. *Клюев Н.* Неизвестное письмо Н. А. Клюева к Есенину / Н. Клюев, К. М. Азадовский // Вопросы литературы. — 1988. — № 2. — С. 272—279.

14. *Кудряшов И. В.* О доминирующем религиозном мотиве ранней лирики Николая Клюева / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 6 (37). — С. 78—81.

15. *Кудряшов И. В.* Отчего сдохла канарейка? (Сергей Есенин о Николае Клюеве) / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 151—162. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-151-162.

16. *Кудряшов И. В.* «Милому дьячку Коле…» : о новонайденном инскрипте С. А. Есенина / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 255—272. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-255-272.

17. *Кудряшов И. В.* Реминисценции «Бориса Годунова» в цикле Н.А. Клюева «Поэту Сергею Есенину» / И. В. Кудряшов // Современное есениноведение. — 2015. — № 2 (33). — С. 59—66.

18. *Ляпина С. М.* «Злополучный Борис!» : рецепция личности Бориса Годунова в русской культурной традиции / С. М. Ляпина // История : факты и символы. — 2019. — № 4 (21). — С. 68—80. — DOI: 10.24888/2410-4205-2019-21-4-18-68-80.

19. *Михайлов А. И.* «Журавли, застигнутые вьюгой…» : (Н. Клюев и С. Есенин) / А. И. Михайлов // Север. — 1995. — № 11/12. — С. 142—154.

20. *Неженец Н. И.* Русская народно-классическая поэзия / Н. И. Неженец. — Москва : Раритет, 2007. — 544 с. — ISBN 5-85735-147-2.

21. *Серегина С. А.* Диалог и полемика С. А. Есенина и Н. А. Клюева об искусстве / С. А. Серегина // Вестник славянских культур. — 2022. — Т. 63. — С. 184—197. — DOI: 10.37816/2073-9567-2022-63-184-197.

22. *Серегина С. А.* Образ распятия в произведениях Андрея Белого, Николая Клюева и Сергея Есенина (1917—1918 гг.) / С. А. Серегина // Мифологические образы в литературе и искусстве : Серия «“Вечные” сюжеты и образы». — Москва : Индрик, 2015. — С. 262—283. — ISBN 978-5-91674-356-2.

23. *Солнцева Н. М.* Скифский взгляд на русскую революцию : аспекты аксиологии / Н. М. Солнцева, Е. Г. Солнцева // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 272—286. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-272-286.

24. *Субботин С. И.* Есенин и Клюев (К истории творческих взаимоотношений) / С. И. Субботин // О, Русь, взмахни крылами… Есенинский сборник. — Москва : Наследие, 1994. — Выпуск I. — С. 104—120. — ISBN 5-201-13218-9.

25. *Шубникова-Гусева Н. И.* От «Пророка» до «Черного человека» : Творческая история, судьба, контекст и интерпретация / Н. И. Шубникова-Гусева. — Москва : ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. — 684 с. — ISBN 5-9208-0069-0.

Статья поступила в редакцию 30.04.2023,
одобрена после рецензирования 13.06.2023,
подготовлена к публикации 23.06.2023.

CC BY

Material resources

BG — Pushkin, A. S. (1937—1959). Boris Godunov. In: *Complete works: In 16 volumes, 7. Dramatic works.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1—98. (In Russ.).

PSS6 — Yesenin, S. A. (1995—2002). *Complete works: In 7 volumes, 6.* Letters. Moscow: Nauka; Golos. 816 p. ISBN 5-02-011682-3. (In Russ.).

S. A. Yesenin in the memoirs of contemporaries: In 2 vols., 1. (1986). Moscow: Fiction. 511 p. (In Russ.).

SD — Klyuev, N. A. (2003). *Word tree. Prose.* St. Petersburg: Rostock. 688 p. ISBN 5-94668-012-9. (In Russ.).

SE — Klyuev, N. A. (1999). *The Heart of the Unicorn. Poems and poems.* St. Petersburg: RHGI. 1072 p. ISBN 5-88812-079-0. (In Russ.).

References

Alekseeva, A. A. (2019). The motive of the natural cycle in the late cycles of the Novokrestyan poets (S. A. Yesenin, N. A. Klyuev, S. A. Klychkov, A. V. Shiryaevets). *Modern Yesenin studies, 4 (51):* 42—46. (In Russ.).

Alexandrova, M. A. (2009). "Keys of Mary" as the basis of the spiritual concept of S. A. Yesenin. In: *Spiritual and moral foundations of Russian literature: [collection of articles based on the materials of the Second International Scientific Conference, February 27—28, 2009, Kostroma]*. Kostroma: Publishing House of Kostroma State University (KSU). 226—231. (In Russ.).

Azadovsky, K. M. (1990). *Nikolay Klyuev: The Poet's Path.* Leningrad: Soviet Writer. 333 p. ISBN 5-265-01491-8. (In Russ.).

Azadovsky, K. M. (2002). *The life of Nikolai Klyuev: a documentary narrative.* St. Petersburg: Zvezda. 365 p. ISBN 5-94214-003-0. (In Russ.).

Bazanov, V. G. (1990). *From the native shore: about the poetry of N. Klyuev.* Leningrad: Nauka. 241 p. ISBN 5-02-027974-9. (In Russ.).

Glembotskaya, Ya. O. (2017). The phenomenon of power and its artistic interpretation in the tragedy of A. S. Pushkin "Boris Godunov". *Ideas and Ideals, 4 (34):* 170—178. DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-170-178. (In Russ.).

Kazakov, A. L. (2014). Klyuev — Lenin: "a verbal gift from the Russian paradise". *North, ½:* 141—146. (In Russ.).

Kireevsky, I. V. (1996). Review of Russian literature for 1831. "Boris Godunov". In: *Pushkin A. S. Boris Godunov.* St. Petersburg: Academic Project Humanitarian Agency. 531—536. ISBN 5-7331-0053-2. (In Russ.).

Kiseleva, L. A. (2013). "Pugachev" by Sergei Yesenin in the perception of Nikolai Klyuev: historical, cultural, poetological contexts of understanding. *Modern Yesenin studies, 27:* 10—15. (In Russ.).

Kiseleva, L. A. (2012). "You and I are in the lion's depths": Yesenin in the poetic hagiography of Klyuev. In: *Biography and creativity of Sergei Yesenin in an encyclopedic format: A collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific Conference dedicated to the 116th anniversary of the birth of S. A. Yesenin.* Moscow—Ryazan—Konstantinovo: S. A. Yesenin State Museum-Reserve. 147—165. (In Russ.).

Kiseleva, L. A. (1994). Cycle "Izbyanye songs" by N. A. Klyuev in the creative biography of Sergei Yesenin. In: *Oh, Rus, flap your wings… The Yesenin Collection, 1.* Moscow: Heritage. 95—103. ISBN 5-201-13218-9. (In Russ.).

Kiseleva, L. A. (1997). Yesenin and Klyuev: a hidden dialogue (an attempt at partial reconstruction). In: *Nikolay Klyuev: Research and materials.* Moscow: Heritage. 183—198. ISBN 5-201-13279-0. (In Russ.).

Klyuev, N., Azadovsky, K. M. (1988). Unknown letter of N. A. Klyuev to Yesenin. *Questions of literature, 2:* 272—279. (In Russ.).

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2022). "To Dear Deacon Kolya ...": Newly Found Inscript of Sergey Yesenin. *Nauchnyi dialog, 11 (8):* 255—272. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-255-272 (In Russ.).

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2012). On the dominant religious motif of the early lyrics of Nikolai Klyuev. *The world of science, culture, education, 6 (37):* 78—81. (In Russ.).

Kudryashov, I. V. (2015). Reminiscences of "Boris Godunov" in the cycle of N. A. Klyuev "To the Poet Sergei Yesenin". *Modern Yesenin studies, 2 (33):* 59—66. (In Russ.).

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2020). Why Did the Canary Die? (Sergei Yesenin about Nikolai Klyuev). *Nauchnyi dialog, 12:* 151—162. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-151-162 (In Russ.).

Lyapina, S. M. (2019). "Ill-fated Boris!": reception of Boris Godunov's personality in the Russian cultural tradition. *History: facts and symbols, 4 (21):* 68—80. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-21-4-18-68-80. (In Russ.).

Mikhailov, A. I. (1995). "Cranes caught in a blizzard ...": (N. Klyuev and S. Yesenin). *North, 11/12:* 142—154. (In Russ.).

Nezhenets, N. I. (2007). *Russian folk classical poetry.* Moscow: Rarity. 544 p. ISBN 5-85735-147-2. (In Russ.).

Seregina, S. A. (2022). Dialogue and polemics of S. A. Yesenin and N. A. Klyuev about art. *Bulletin of Slavic Cultures, 63:* 184—197. DOI: 10.37816/2073-9567-2022-63-184-197. (In Russ.).

Seregina, S. A. (2015). The image of the crucifixion in the works of Andrei Bely, Nikolai Klyuev and Sergei Yesenin (1917—1918). In: *Mythological images in literature and art: Series ""Eternal" plots and images".* Moscow: Indrik. 262—283. ISBN 978-5-91674-356-2. (In Russ.).

Shubnikova-Guseva, N. I. (2001). *From the "Prophet" to the "Black Man": Creative history, fate, context and interpretation.* Moscow: IMLI RAS; Heritage. 684 p. ISBN 5-9208-0069-0. (In Russ.).

Solntseva, N. M., Solntseva, E. G. (2021). Scythian View of Russian Revolution: Aspects of Axiology. *Nauchnyi dialog, 5:* 272—286. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-272-286 (In Russ.).

Subbotin, S. I. (1994). Yesenin and Klyuev (On the history of creative relationships). In: *Oh, Rus, flap your wings… The Yesenin Collection, 1.* Moscow: Heritage. 104—120. ISBN 5-201-13218-9. (In Russ.).

The article was submitted 30.04.2023;
approved after reviewing 13.06.2023;
accepted for publication 23.06.2023.